

6. Girard R. Violence and the sacred. M.: New Literary Review, 2000.
7. Kara-Murza SG The civil war of 1918-1921. Lessons for the XXI century // [Http://www.situation.ru/app/rs/books/civil_war/civil_war_content.htm](http://www.situation.ru/app/rs/books/civil_war/civil_war_content.htm) (05.10.2015 13.42).
8. Rozov NS War is always there: the nature and origin of the mass of organized violence // war and geopolitics. Almanac «Time of peace». Issue 3. Novosibirsk, NSU, 2003.
9. Sise J. Just War? On the military power, ethics and ideals. Moscow, 2007.
10. Tyushkevich SA The laws of war: the nature, mechanisms of action, the use of factors. M., 2002.
11. Hollicher V. Man and aggression 3. Freud and K. Lorenz in the light of the theory of Karl Marx. M., 1975.
12. Chomsky N. New Military Humanism. M., 2004.
13. Thomas Hobbes Leviathan, or matter, form and power of the state of ecclesiastical and civil // Thomas Hobbes Vol. 2 vols. M., 1991. T. 2.
14. Lorenz K. Aggression (so-called evil) // M.: Progress-Univers, 1974.
15. Huseynov AA The history of ethical teachings. Application. The ethics of non-violence // URL: http://society.polbu.ru/guseinov_ethichistory/ch132_iii.html (10/10/2015: 13/52).

УДК 316.723

Н. Н. СЕРОВА

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ИМПУЛЬС В ТРАНСФОРМАЦИЯХ МОЛОДЕЖНОГО СОЗНАНИЯ (МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ) ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются особенности постмодернистского мироощущения в молодежном сознании постсоветского общества. Раскрыта суть концепции символического интеракционизма. Определяются основные направления социокультурной ситуации открытого общества и особенности формирования новой политической идентичности.

Ключевые слова: постмодернистский импульс, молодежные движения, субкультура, кризис идентичности, символический интеракционизм, социокультурная трансформация.

UDK 316.723

N. N. SEROVA

POSTMODERNIST MOMENTUM IN TRANSFORMATIONS OF YOUTH CONSCIOUSNESS (YOUTH SUBCULTURES) OF THE POST-SOVIET SOCIETY

The article studies the features of the postmodern attitude in the minds of the youth of the Post-Soviet society. The essence of the concept of symbolic interactionism is revealed. The main directions of socio-cultural situation of an open society and especially the formation of a new political identity are determined.

Keywords: post-modernist impulse, youth movements, subculture, identity crisis, symbolical interactionism, sociocultural transformation.

Изменения постсоветского общества, потеря института социализации по соображениям политического характера отмечены поиском новых форм коллективности в молодежной среде. Постмодернистские идеи и «дискурсы» подорвали веру в рационалистическую традицию Просвещения, классические средства исторического познания. Российская «ситуация постмодерна» имеет свои маркеры: пересмотр классических представлений о государстве и таком социально-идеологическом конструкте, как «советский народ»; порядок и хаос в коллективных формах сосуществования; традиционное и протестное в обществе.

Постмодернистский импульс в молодежном сознании России 90-х, вероятно, обозначен поисками новых критериев коллективной идентичности (молодежные субкультуры) и иррационализмом, обостряющим социальные конфликты и межгосударственные противоречия. Социальная теория постмодернизма предлагает свое видение социальной реальности, свое представление о социальности, которую с определенной долей условности можно назвать «новой социальностью малых групп». По мнению теоретиков постмодернизма, видение мира как децентрированного, фрагментированного, неупорядоченного, лишённого причинно-следственных связей, наиболее соответствует характеру социальной реальности эпохи постмодерна.

Актуальности национальной идеи и кризису социокультурной ситуации постсоветского общества посвящены исследования Центра политического анализа и государственно-управленческого проектирования при РАН. Из сорока двух направлений государственной политики отмечена и политика идентичности, что позволяет ей стать самостоятельным направлением, не растворяясь в национальной, культурной и миграционной. Г. Тёрборн отметил влияние мультикультурализма в политике идентичности, особенно в миграционной политике Австралии и Канады. Политика идентичности связана не только с культурами переселенцев, но и субкультурами различных меньшинств. В США политику идентичности стимулировали молодежные движения 2-й половины 1960-х гг. Вызов устоявшимся стереотипам и институтам имел сильный антирасистский оттенок, связанный с выступлениями афроамериканцев за интеграцию и равные права, независимо от цвета кожи, а также за достойное место своей культуры [1, с. 46–90]. В постсоветской России, по мнению известного российского специалиста в области политической социализации Н. А. Головина, «наиболее специфичные... проблемы политической социализации – особенности формирования новой политической идентичности, усвоение ценностей в условиях кризиса общества...» [2, с. 9].

Кризис советской культуры обусловлен переходом от одномерной моностилистической культуры советского общества к многообразной полистилистической культуре. Социальная революция молодежи постперестроечного периода, вероятно, происходила путем специфического проявления малых форм (от культурно-символических до экстремистских молодежных движений). Феномен молодежной субкультуры во многом соответствует контексту постмодернизма: отвергается принцип системной организованности, целостности и структурной упорядоченности общества, теряются черты тотальности, выстроенности в соответствии с той или иной моделью. Культура исторического периода понимается как интертекст, реализующаяся как языковой код, программирующий мышление индивидов. В конце 90-х возникает формат ролевых игр живого действия. На конвенте любителей фантастики «Аэлита» (толкиенисты) встретились с представителями «Торнадо». В августе 1990 года на полигоне под Красноярском состоялась первая настоящая живая ролевая игра «Хоббитские игрища». В ней приняли участие около 120-130 человек. Новый способ включения в реальность и волшебный мир «Средиземья» вдохновил на создание нового вида культурного пространства. Внутренней составляющей деятельности для реконструкторов становится самосовершенствование в ратном деле. Кроме эффектных для зрителей турниров, это исторические исследования и популяризация исторических сведений, альтернативные варианты социального восприятия, использование культурных кодов, отличных от кодов господствующей культуры. Социализация ролево-реконструкторского движения – сложный и неоднозначный процесс.

Теоретики постмодернизма убеждены, что наиболее адекватное постижение реальности доступно только интуитивному, «поэтическому» мышлению с его образностью и ассоциативностью. Распад гомогенного мира представляется многообразием возможностей. Нестабильность, неопределенность и многозначность развивающихся в обществе процессов рассматривается не как проявление патологии системы, а как признак и условие ее жизнеспособности. Разнообразие элементов в системе позволяет стать устойчивее к многовариантному будущему. Культура становится основным объектом интереса постмодернистских социологов, главным объяснительным принципом. Культурное пространство усиливает тенденции к поливалентности ценностей, свободных от идеологии и национальной идентичности (мультикультурализм). Возникает специфическая групповая культура, называемая западными социологами и культурологами «племенной культурой». Здесь разум, рациональная (универсальная) рефлексия заменяется эмоциональной сопричастностью, групповым этико-эстетическим сознанием. Эмоциональные и эстетические ориентации более значимы, чем рациональные. Теоретики постмодернизма полагают, что в настоящее время невозможна никакая рациональная, единая для всего общества идеология «метарассказы», а лишь локальные «мини-концепции». Важно отметить, что определяющей характеристикой открытого общества считается не только изменение социокультурных организаций, а изменение процессов мышления и деятельности. Общественные идеалы существуют в пространстве истории (инсти-

туты гражданского общества и правового государства античной цивилизации). Уникальность российских условий – это не просто противоречие, а противостояние традиционного и модернизационного, ценностей выживания и самовыражения. В периоды общественного реформирования усиливается «спрос» на выработку инноваций. Социологические исследования выявили следующее: реформы в России в середине 90-х меньше всего задели население, обладающее творческими подходами к своей деятельности. С философской точки зрения динамика творческих процессов зависит от интенсивности процесса овладения новыми сферами осмысливаемой реальности, с развитием способности восприятия действительности через символ, характером ассоциативных связей и т.д. В этом смысле большое значение имеет то, как формируются в сознании человека внутренние концептуальные структуры, как фиксируются традиции сообщества, элементы научной картины мира, стереотипы.

Одним из самых перспективных в вопросе исследования ценностей (особенно молодежи) [3] считается тезаурусный подход, разработанный Вал. и Вл. Луковыми. Систематический объем знаний в определенной области, позволяющий ориентироваться во всем объеме информации, представляется тезаурусом. В нем знания сочетаются с установками, существуя в соответствии с трансформирующейся ценностно-нормативной системой. Основные функции социальной ориентации осуществляются на противопоставлении «свой-чужой». Принципиально важные для субъекта ценности представляют ядро тезауруса. Менее важные в данный момент времени ценности – это периферия. В контексте обмена между ними может произойти замена системообразующего основания. Структура научного знания отличается от тезаурусной иерархии. Для тезаурусной личности нет особо существенной разницы в порядке событий: любое из них воспринимается как приобретение или углубление еще одной грани опыта, как расширение тезауруса, прибавление к нему новой биограммы, которая позволяет пережить категориальность, а значит, и судьбоносность, жизнецельную значимость каждого события. Тезаурусная личность проживает свою жизнь с конца в начало едва ли не больше, чем с начала в конец; она воспринимает все последующие события как прояснение смысла, придание формы, концептуальное обобщение предыдущих событий. Здесь больше действует судьба, а не жизнь, т.е. обратный распорядок смыслов, когда каждое событие находит себе место в целостной, надвременной системе личного мира. В трудах И.М. Ильинского (гуманистическая концепция) проблемное поле взрослеющих поколений переосмысливается в контексте философских представлений о вызовах нового тысячелетия. Ученый подчеркивает, что «глобальные проблемы человечества и процесс глобализации имеют молодежное измерение, молодежное лицо» [4, с. 39]. При этом И.М. Ильинским особо акцентируется роль молодежи в этих процессах, которая «должна внести в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств заложит в нее общество» и ее субъектность: «современное общество должно открыть молодежь как субъект истории, как исключительно важный фактор перемен, как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого рода» [5, с. 6]. Молодежь является носителем интеллектуального, творческого и инновационного потенциала, она обучаемая и открытая, поэтому благодаря ей общество может не только воспроизводить себя (физически и интеллектуально), но и расти над предыдущими поколениями. И.Г. Мордасова отмечает, что «в нынешних условиях трансформирующегося социума молодежь является едва ли не главным социальным ресурсом с точки зрения стоящих перед обществом стратегических задач» [6, с. 57–60]. Стоит отметить, что на сегодняшний день, к сожалению, нет системообразующего федерального закона, определяющего молодежную политику страны. Указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [7] предусматривал данное проблемное поле в качестве одного из приоритетных направлений социально-экономической политики государства. Предлагалось создание фонда федеральных молодежных программ и организация национального совета молодежных объединений.

Многочисленные исследования молодежных объединений главным образом уделяют внимание типологии и классификации, а не социальным основаниям их появления. Единственно решенным вопросом в теории субкультур является положение о субкультуре как «подсисте-

ме» базовой, основной культуры общества. Критерии дифференциации и содержательные характеристики субкультур остаются дискуссионными. Сегодня в России действуют более 427 тысяч молодежных и детских общественных организаций. Типология и классификация их многообразны, но реальность всегда сложнее схем и таблиц [8, 9]. В.К. Сергеев [10] в течение последних 20 лет занимается исследованием молодежных проблем, вначале в Институте социологических исследований Академии наук СССР, а последние 13 лет руководя Единым научно-методическим центром Комитета по культуре правительства Москвы. Автор полагает, что в открытом обществе возникновение альтернативных форм культуры неизбежно, оно порождается самим фактом развитых социальных отношений. Культура любого общества, а демократического в особенности, должна впитывать, ассимилировать, переосмысливать эти ответвления. Попытки запретить, уничтожить порождают наиболее уродливые формы, например, протестные, агрессивные, фашиствующие группы. Современные диссертационные исследования (М.Б. Маринов, С.А. Пахоменко, В.А. Луков, В.Т. Лисовский, Б.П. Борисов) [11] определяют роль молодежных субкультур как трансляторов ценностей индивидуализирующегося общества России. Возможно, символический интеракционизм, который стал важной методологической опорой исследований по культурной истории, поможет в понимании дискретности молодежных субкультур постперестроечной России. Символический интеракционизм – одна из авторитетных социологических теорий в микросоциологии и социальной психологии. Концепция символического интеракционизма сформулирована американским философом, социологом и психологом Джорджем Гербертом Мидом (теория *mind, self and society*) [11]. Индивидуальность является продуктом социальности, но индивид обладает целеполаганием и креативностью. Герберт Блумер, ученик и интерпретатор Дж. Г. Миды, продолжил работу над концепцией, он же ввел термин «*symbolic interactionism*» [12]. Г. Блумер полагал, что «наиболее человеческая и очеловечивающая деятельность, в которую вовлечены люди, – это разговоры друг с другом». [13, с. 60]. Соответственно, люди действуют по отношению к вещам (сущностям), основываясь на смыслах, которые эти сущности имеют для них, а эти смыслы в свою очередь извлекаются из социальных взаимодействий и модифицируются путем интерпретации, поэтому социальное взаимодействие лежит в основе всех наших действий. Если мы хотим понять причину действия, внимание надо концентрировать на социальном взаимодействии. Субкультурные пласты автономны, личностно свободны и не претендуют на вытеснение «основной» культуры.

Человек, погруженный в гиперреальность информационных образов, нуждается в новых идентичностях и основаниях осмысления жизни. Все эти изменения осмысливает молодежь, выстраивая континуальную стратегию, связывающую медийную гиперреальность и процессы повседневного существования в городской среде социальных структур на макро- и микроуровнях. Новая социокультурная ситуация открытого общества детерминирована глобальными процессами постмодерна: информатизацией и кибертехнологизацией общества, технократизацией мировоззрений, иррационализмом и утверждением свободы выбора и плюрализма мнений в отрыве от исторической и ментальной специфики. Проведенный социально-философский анализ позволяет расширить представления об особой социокультурной ситуации постсоветского общества, обосновать тезис о том, что ценностный выбор молодых людей невозможно исчерпывающе эксплицировать как макросоциальную модель или проект развития общества. Молодежь не только «отвечает» на вызовы действительности, но и самостоятельно конструирует действительность. Теоретическая рефлексия проблемы особенностей функционирования молодежных субкультур, «цветных революций» необходима для оптимизации социокультурной политики, не только обеспечивающей интеграцию молодежи в пространство культуры, но и созидающей необходимый культурный потенциал динамичного преобразования российского общества. Изучение тенденций развития, характерных особенностей молодежных субкультур, а также их места и роли в социокультурном пространстве российского общества позволит преодолеть одностороннюю оценку данного феномена и будет способствовать его восприятию в значительной мере как транслятора ценностей постиндустриального общества.

Литература

1. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. №3. М., 2010.
2. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: СПбГУ, 2004.
3. Луков В.А. Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
4. Ильинский И.М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Голос, 1999.
5. Ильинский И.М. Молодежь России: тенденции, перспективы. М.: Молодая гвардия, 1993.
6. Мордасова И.Г. Системный подход к изучению ценностных ориентаций молодежного социума // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты. 2004. Вып.4.
7. О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики (с изменениями и дополнениями от 12 апреля 1999 г.): указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 г. №1075 // Гарант: информационно-правовой портал М., 2014. URL: <http://base.garant.ru/2300503/>
8. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/20.html>
9. URL: <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/social/issled/stat/subkul.htm>
10. Сергеев С.А. К вопросу о классификации и некоторых особенностях молодежных субкультур России // Социальное знание: формации и интерпретации. Материалы международной научной конференции. Казань, 1996.
11. Борисов Б.П. Постмодернизм: моногр. / Б.П. Борисов. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
12. Mead G.H. Mind, Self and Society / Ed. by Charles W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
13. Blumer H. Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
14. Griffin E.A. A First Look at Communication Theory. Boston: McGraw-Hill, 2006.

References

1. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the coordinate system of world development // Polis. M., 2010. №3.
2. Golovin N.A. Theoretical-methodological basis of the study of political socialization. SPb.: St. Petersburg State University, 2004.
3. Lukov V.A. Tezaurusy: Subjective organization humanities. M.: Publishing House Nats.in-ta business, 2008.
4. Ilyinsky I.M. Youth in the context of global processes of world development // Youth and society at the turn of the century. M.: The Voice, 1999.
5. Ilyinsky I.M. Youth Russia: trends and prospects. M.: The Young Guard, 1993.
6. Mordasova I.G. A systematic approach to the study of the value orientations of youth society // Socially-humanitarian studies: theoretical and practical aspects. 2004, issue 4.
7. About priority measures in the field of state youth policy (as amended on April 12, 1999) [electronic resource]: Russian Presidential Decree of 16 September 1992g. №1075 // guarantee: legal information portal, Moscow, 2014 .URL: <http://base.garant.ru/2300503/>
8. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/20.html>
9. URL: <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/social/issled/stat/subkul.htm>
10. Sergeev S.A. The question classification and some of the features of youth subcultures Russia // Social knowledge: formation and interpretation. Proceedings of the international scientific conference. Kazan, 1996.
11. Borisov B.P. Postmodernizm: monograph / B.P. Borisov. Moskow-Berlin: Direct Media, 2015.
12. Mead G.H. Mind, Self and Society / Ed. by Charles W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
13. Blumer H. Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
14. Griffin E.A. A First Look at Communication Theory. Boston: McGraw-Hill, 2006.